

КАСПИЙСКАЯ ДИЛЕММА: ПРОЦВЕТАНИЕ ИЛИ КОНФЛИКТ?

Томас Вельде, Сергей Виноградов, Армандо Самора

Резюме

Вплоть до последнего падения цен на нефть считалось, что запасы каспийской нефти и газа столь велики, что представляют собой второй Кувейт. Вряд ли они явятся еще одним "Персидский заливом", но главный камень преткновения – это транзит и политический риск. Каспийская нефть и газ невыгодны, так как их естественные рынки в регионе и в Восточной Европе имеют незначительную емкость, и эти поставки не могут быть оплачены в долларах. Все другие рынки далеки, что ведет к росту стоимости транзита. Кроме того, все трубопроводные пути проходят через проблемные районы. Коридор Баку-Джейхан с востока на запад неконкурентоспособен. Российский маршрут по уже существующим российским трубопроводам наиболее легко доступен. Однако препятствиями являются чеченская ситуация, качество трубопровода и монопольная власть "Газпрома" и "Транснефти". Китаю нужны нефть и газ, но, вероятно, он не сможет освоить дополнительный объем импорта/транзита по каспийскому трубопроводу. Наконец, все имеющиеся транзитные варианты перевешиваются "иранским вариантом": если санкции США против Ирана будут ослаблены, что возможно, то не станут ли неконкурентоспособными все планируемые проекты крупных инвестиций в другие трубопроводы? Опыт показывает, что трубопроводы не оправдывают себя, если в дело примешивается политика, как, например, это бывает на Ближнем Востоке. Правительства стран каспийского бассейна пока не научились ладить с друг другом. Политический риск, связанный с осуществлением проектов нефте- и газодобычи в регионе, предполагает, что только смелый инвестор и банкир готовы взяться за дело, несмотря на все опасности. Правовой статус Каспийского моря остается запутанным, а опыт показывает, что неурегулированный правовой статус отпугивает инвесторов в спорных районах. Спор пока еще не разрешен, хотя позиции России (и Ирана), по всей видимости, сближаются по крайней мере по вопросам раздела недр Каспия в нефте- и газоносных районах. Речь идет о столкновении между двумя способами мышления: геополитической философии против логики глобальных рынков. Компании, больше подчиняющиеся давлению рыночного капитала, чем далеко идущим замыслам государств, предпочитают, чтобы преобладала логика рынка. От логики рынка больше всего может выиграть Россия. Если она применит силу, это ей очень дорого обойдется. Если она воспримет логику глобальных рынков, то получит выгоду от процветания на Каспии. Вопрос для всех этих стран состоит в том, готовы ли они сосредоточиться на том, как стать процветающими, а не на том, как расширить свое соответствующее влияние. Процветание требует признания приоритета законности во внутренних отношениях, в отношениях с нефтяными компаниями и друг с другом. ЕС, по всей видимости, наилучшим образом приспособлен для этого. У него нет больших геополитических амбиций, да и реальных силовых возможностей для их осуществления, но он стремится к стабильности на своей восточной границе в сфере торговли и энергоснабжения. Это привело к заключению Договора об энергетической хартии 1994 г. с его ст. 7, гарантирующей транзит энергоресурсов. Программы технической помощи ЕС обширны; он заключил разветвленную систему экономических договоров со всеми участниками и не имеет с кем-либо серьезных проблем. Сейчас он должен побудить все стороны прекратить вооруженные конфликты, уступая место юристам, процедурам и переговорам. Нам нужно помочь каспийскому региону стать более управляемым как во внутренних, так и в международных отношениях.

Геополитика Каспия

Нефтяные и газовые ресурсы в Каспийском море и вокруг него рассматриваются большинством каспийских государств как основа будущего богатства, влияния и мощи. Эти взгляды разделяются многими международными компаниями, вложившими солидные инвестиции, государствами, охотно пользующимися своим географическим положением для получения дохода от транзита нефти и газа, государствами-потребителями, включая членов ЕС, и такими геополитическими игроками, как США, Россия, Иран и Турция. Часто национальная и международная политика в регионе вдохновляется преувеличенными представлениями о потенциале нефтяных и газовых залежей, и внимание главных стран-производителей концентрируется почти исключительно на достижении процветания посредством разработки нефти. Подобным образом, такие представления оказывают влияние на внешнеполитическую линию поведения основных игроков, причем традиционная геополитическая силовая политика дополняется экономическими целями, например инвестиционными возможностями для национальных компаний. Межгосударственные (Азербайджан/Армения) и внутригосударственные (Грузия, Таджикистан, Турция, Россия) конфликты сопровождались вмешательством внешних игроков и связаны с нефтяными и газовыми интересами. Небезопасность повышает риск для инвестиций и транзита, и стороны надеются на то, что ожидаемый доход от нефти и газа приведет к усилению стратегических позиций владеющих ими государств в подобных конфликтах (или опасаются того, что это произойдет).

Каспий как нефтяная провинция: реалистический взгляд

Некоторые слишком оптимистические оценки как нефтегазовых резервов, так и финансовой выгоды от их производства/экспорта вызвали повышенные ожидания стран-производителей и их населения, и в то же время обеспокоенность не производящих нефть и газ соседей, интерес потенциальных транзитных государств и конкуренцию со странами, к которым принадлежат заинтересованные компании. В действительности, маловероятно, что Каспий станет, как иногда надеются, новым "Персидским заливом". Его ресурсы сравнимы с ресурсами Северного моря и, составляют около 2-3% мировой добычи. В дополнение к этому, издержки производства намного выше, чем в Персидском заливе и большинстве стран ОПЕК, хотя и ниже, чем на Северном море и в новых конкурирующих проектах в России. Затраты на транспортировку (даже чисто технические) выше, чем у большинства конкурентов. Рынки для каспийской нефти и газа должны находиться главным образом в регионе – но в данное время эти наиболее вероятные потребители имеют пониженный спрос и неплатежеспособны; в следующем ряду находятся рынки Восточной и Западной Европы.

Эти условия делают каспийскую нефть и газ восприимчивыми к колебаниям цен на нефть. В 1998/1999 гг. цена на нефть упала до очень низкого уровня (10 долл. США за баррель), с последующим повышением примерно до 20 долл. В настоящее время компании основывают свои решения об инвестировании на ценах примерно в 15 долл.. Низкие уровни (т.е. ниже 15 долл.) могут оказать следующее влияние:

- Вряд ли осуществляются ожидаемые крупные инвестиции, в особенности со стороны правительств стран Каспийского бассейна. Компании будут замедлять и затягивать свои инвестиционные программы, переходить от расширения к "пожинанию плодов". При "нормальных" условиях, когда цены на нефть будут составлять 15 долл., а политический и транзитный риск не будет выше, чем в главных конкурирующих регионах, можно ожидать годовые инвестиции на сумму 2-3 млрд. долл. США. Это отражает пропорциональное соотношение между каспийскими/мировыми запасами и мировыми инвестициями в нефте- и газодобычу.

- Многие из часто упоминаемых крупномасштабных инвестиций являются не

беспорными или окончательными, юридически связывающими обязательствами по инвестированию, а скорее оценками инвестиций, которые могли бы быть сделаны в течение десятилетий, если допустить, что обстоятельства сложатся благоприятно. Если эти допущения становятся составным элементом соглашения, они, как правило, обставляются многими условиями, растягиваемыми на длительный период времени. Как все стороны понимают, но не говорят, чаще всего эти условия вряд ли когда-либо осуществляются. В большинстве случаев они являются политическим и коммерческим притворством, используемым ради политических выгод правительств.

- Низкий уровень цен на нефть отбивает охоту к связанным с высоким риском инвестициям в пограничные зоны, затрудняет финансирование и навязывает более замедленный и постепенный ритм инвестирования. При перспективе сокращения высокой прибыльности и увеличении рыночного риска, проекты разведочных работ не могут постоянно вестись в значительном объеме.

- Цена на нефть, которая ниже предполагаемой в первоначальных исследованиях и контрактах, неизбежно ведет к корпоративной тактике затягивания времени при сохранении контроля над районом нефтедобычи: затяжные исследования, длительные переговоры, бесконечные правительственные и межправительственные дискуссии, но без действительно осуществляемых инвестиций.

В итоге, чрезвычайно трудно установить или предсказать, каковы же запасы в реальности. Это можно сделать лишь непрерывной разведкой, которая сама по себе зависит от геологических и экономических оценок. Не можем мы предсказать и цен на нефть в будущем. Опыт совсем недавнего времени – при чрезвычайной неустойчивости цен на нефть с тенденцией к снижению – подвергает сомнению расчеты на масштабную и быструю разведку и разработку. Но такая разработка отягощается политическими проблемами и проблемами, связанными с транзитом – более высокая цена на нефть может помочь легче их преодолеть, а более низкая цена сдерживает алчность и геополитические амбиции, и при этом с большей отчетливостью проявляется экономическая и техническая логика.

Правовой статус и раздел каспийской нефти и газа

Не существует четкого правила определения правового статуса Каспийского моря и раздела нефтяных и газовых ресурсов, залегающих между прибрежными государствами. Ни предшествующая (СССР-Иран) договорная практика (юридически обязывающая для государств-наследников СССР), ни международное морское право (которое прямо не применимо к этой ситуации) не дают однозначного ответа. В настоящее время не существует общепринятых правил о статусе и разделе международных озер. В этой ситуации необходимо принять во внимание, что различные используемые правовые режимы и концепции выражают цели внешней политики и нефтяной стратегии. Россия, которая отстаивает идею Каспия как внутреннего озера и интерпретацию прежних соглашений между СССР и Ираном, использует понятие "общих ресурсов" для того, чтобы воспрепятствовать одностороннему разделу моря между главными нефтегазовыми странами (Азербайджаном и Казахстаном). Последние прибегают к аналогиям из области морского права ("зоны национальной юрисдикции", метод "равного удаления" и так далее) с целью раздела Каспия между прибрежными государствами путем создания своих национальных секторов.

Разработка нефти и газа требует определенности в вопросах юрисдикции или по крайней мере сильно облегчается ею. Для инвестиций создаются помехи, если серьезные споры о юрисдикции, в особенности включающие мощные страны, подрывают законную силу права на собственность, присужденного одному из государств - сторон в таких спорах. Правовая аргументация России нацелена как на повышение степени ее участия в разработках каспийской нефти и газа, так и на то, чтобы помешать США - ее нынешнему геополитическому конкуренту - установить свое

доминирование в регионе.

Интенсивность правовой (а тем самым политической и коммерческой) полемики в последнее время несколько спала. Существует очевидная заинтересованность России в эксплуатации залежей нефти и газа, которые как будто обнаружены в северной части Каспия. Некоторые российские нефтяные компании были привлечены к участию в контрактах на добычу нефти на азербайджанском шельфе на компенсационных условиях в консорциумах с западными нефтяными компаниями. Аналогичным образом, заинтересованность России в сохранении ее политического влияния в "ближнем зарубежье" теперь все больше вступает в противоречие с более современной экономической заинтересованностью. Находящиеся на своего рода постколониальной привязи, обнищавшие соседние страны дают мало экономических выгод от торговли и инвестиций. Экономическое развитие в каспийских странах открывает по меньшей мере возможность для торговли – благодаря языку, культуре и близкому расположению, а возможно также и для инвестиций российских нефтяных и газовых компаний. Заключенное в 1998 г. Российско-казахстанское соглашение, согласно которому морское дно делится между заинтересованными государствами, в то время как воды остаются общей собственностью, демонстрирует изменение в российской позиции. Наиболее вероятным решением будет взаимное признание расширенных территориальных вод или других подобных зон при полной юрисдикции прибрежного государства, а также раздела каспийского дна и недр с их нефтяными и газовыми ресурсами между прибрежными государствами. Само море, в особенности его морские живые ресурсы и другие проблемы окружающей среды, может скорее стать сферой совместных подходов и регионального сотрудничества. Однако, вероятно, споры о юрисдикции между прибрежными государствами будут определенное время продолжаться. Эти новые государства не привыкли к мирному разрешению подобных споров путем переговоров. Они не могут позволить себе пойти на какие-либо уступки в территориальных вопросах. Международное обычное право, как свидетельствуют решения Международного суда, недостаточно точно и конкретно, чтобы дать четкие и ясные указания на то, где и как должны быть проведены границы. Существующие и потенциальные споры о юрисдикции (например, между Азербайджаном и Туркменистаном вокруг месторождения Кяпаз/Сердар) неизбежно ведут к подрыву законной силы любого права на собственность, присуждаемого правительствами в спорном районе.

Одним из подлежащих рассмотрению решений является использование режимов "совместной разработки", уже практикуемых в Северном море (совместное владение месторождением Фригг) и в спорных зонах между Индонезией и Австралией, Малайзией и Таиландом, Японией и Южной Кореей. Пригодными могут быть два типа режимов. Первый касается нефтяных месторождений, лежащих по обе стороны согласованной и бесспорной линии разграничения ("Соглашение Фригг" между Великобританией и Норвегией), и призван содействовать его эффективной эксплуатации. Лицензирование и правила устанавливаются совместно, а доходы обычно делятся в определенной пропорции, отражающей оценки нефтяных резервов, содержащихся в тех частях месторождения, которые соответственно принадлежат двум странам. Второй в основном является способом, позволяющим разрабатывать нефтяные и газовые ресурсы в спорных районах без политических издержек, связанных с установлением окончательной границы. Здесь устанавливается совместный режим лицензирования, регулирования и налогообложения, а доходы и контроль делятся – иногда с такими вариациями, как предоставление каждой стране преобладающей роли в одной части спорного района. Таким образом, это очень прагматичный способ избежать длительных переговоров о границах и начать разработку.

В итоге, пока еще неурегулированный правовой статус Каспия является серьезным препятствием для полномасштабной эксплуатации его нефтяных и газовых ресурсов (и разработки эффективного режима охраны окружающей среды) при "нормальных" обстоятельствах. Международное право не имеет под рукой ясного и конкретного

решения, но оно дает полный спектр концепций, прецедентов и процедур, которые еще не полностью используются каспийскими государствами. Возможны и достаточно апробированы в других местах такие средства, как передача споров в Международный суд или международный арбитраж, а также такие правовые методы, как соглашение о совместной разработке нефти.

Транзит

Разработка нефти и газа в Каспийском регионе в настоящее время почти не имеет смысла без магистрального транзита. Все местные и региональные рынки страдают от экономического коллапса, последовавшего за распадом Советского Союза и не могут ни создать достаточного спроса, ни обеспечить возможность выделения средств для широкомасштабных инвестиций. Поэтому доступ на рынки – главным образом Восточной и Западной Европы и Турции – является ключом к развитию. Эти требования к транзиту ставят две проблемы:

- Во-первых, магистральный транзит заметно увеличивает конечную стоимость углеводородов. Чем ниже ожидания будущих цен на нефть, тем больше издержки на транзит будут снижать рентабельность инвестиций. Инфраструктура транзита также требует массивных внешних инвестиций. Стоимость транзита включает как "техническую" стоимость (строительство и функционирование трубопроводов и погрузочных средств), так и "пошлины за транзит", взимаемые транзитными странами. Транзитные пошлины, или скорее транзитная рента, являются еще одним риском проекта. Ограниченная способность стран региона вырабатывать и соблюдать стабильные взаимные договоренности представляет собой еще одно препятствие для установления действенного порядка транзита.

- Во-вторых, транзит по большинству возможных направлений чреват значительным политическим риском. Создание коридора Восток-Запад (по Кавказу через Грузию, от Каспийского до Черного моря) ставит серьезные правовые, политические и экологические проблемы. Межгосударственные и внутригосударственные конфликты на Кавказе и в Турции создают серьезную угрозу безопасной и беспрепятственной транспортировке углеводородов. Перекачке нефти по трубопроводам через Иран – технически и экономически, пожалуй, наилучшему выбору – противостоят США со своей политикой санкций, в то время как маршрут трубопроводов в Китай, с его большим рынком и относительно свободным от риска транзитным маршрутом, слишком долг и потому, возможно, будет слишком дорогостоящим.

История трубопроводов Ближнего Востока свидетельствует о том, что немногие трубопроводы сохранялись и успешно работали в политически неустойчивых районах. Успешные трубопроводы – транс-средиземноморский (Алжир-Тунис-Италия) и Магриб-Европа (Алжир-Марокко-Испания) – основываются на принципах деполитизации, моделях частного права и ограниченном участии государства. При благоприятных экономических обстоятельствах, проекты трубопроводов могут способствовать снижению политического риска в отдельной стране. Однако трубопроводы, проложенные от Каспия, будут связаны с множеством межгосударственных и внутригосударственных факторов риска. По всей видимости, наименее дорогие и наименее рискованные трубопроводные проекты будут завершены в последующие десять лет, возможно, со значительным опозданием, а разработка нефти и газа будет идти медленно.

Сильное давление, оказываемое США и Турцией в пользу самого длинного и дорогого транзитного маршрута – до Джейхана на турецком Средиземноморье – наводит на мысль, что он может оказаться коммерчески неосуществимым. Разумно предположить, что чем выше политическое давление, тем больше экономические недочеты таких проектов. Поэтому трудно увидеть, каким образом компании, оперирующие теперь в очень конкурентной среде, могут принять – не имея возможности локализации таких

рисков – предполагаемые императивы внешней политики своих государств, а не коммерческую логику глобальных рынков.

Принято считать (как пишет Томас Стауфер в июльском 1996 г. выпуске Бюллетеня ОПЕК), что Россия скорее всего использует свое географическое положение и постимперское влияние для проталкивания своего трубопроводного маршрута. Может быть, это чрезмерное упрощение. По всей видимости, налицо большие разногласия между российским нефтегазовым и внешнеполитическим сообществом, причем силы, придерживающиеся традиционной внешней политики борьбы за влияние соперничают с более современными силами, ориентированными, напротив, на экономическую логику. Для России психологические проблемы переваривания деколонизации могут быть похожи на те, с которыми столкнулись Великобритания и Франция – где понадобились десятилетия для того, чтобы они начали признавать бывшие колонии по-настоящему независимыми странами. Более открытая политика российского нефтепроводного монополиста "Транснефть" и некоторых российских нефтяных компаний, усилия по достижению по крайней мере некоторого успеха проекта Каспийского трубопроводного консорциума по перекачке казахстанской нефти к Черному морю, прогресс в деле постепенного согласования режима собственности на Каспийском море и жесткая конкуренция с Турцией за направление магистрального трубопровода для азербайджанской нефти, - все это иллюстрирует вес, которым обладают коммерческие силы. На самом деле, Россия также зависит от доброй воли и экономического здравого смысла других транзитных государств, например, Украины и Латвии, как и каспийские государства от России.

Решающее значение транзита способствовало поиску более сильных правовых документов, содействующих укреплению безопасности трубопроводов и организации транзита. Ключевым правовым документом является Договор об энергетической хартии 1994 г. Во-первых, он обеспечивает всестороннюю защиту собственности и контрактных прав иностранных инвесторов, опирающуюся на возможность прямого арбитража между инвестором и государством. Во-вторых, он включает новое обязательство стран-участниц содействовать транзиту, воздерживаться от политически мотивированных сбоев в его работе и по возможности обеспечивать доступ к трубопроводам. Помимо традиционных гарантий, этот многосторонний договор обеспечивается двусторонними соглашениями. В настоящее время идут переговоры по оформлению транзитных положений Договора об энергетической хартии в специальном многостороннем юридически обязывающем документе.

Одних правовых соглашений недостаточно для того, чтобы государства соблюдали правила транзита или для того, чтобы безопасность трубопроводов гарантировалась при любых обстоятельствах. Однако при расширении применимости правовых прецедентов, рамочных документов и процедур существует перспектива того, что власть закона в отношениях между каспийскими государствами с одной стороны и между этими государствами и частными компаниями с другой обретет почву и улучшит правовую и политическую обстановку в регионе.

Будущее каспийской нефти и газа – предупреждающие сигналы

Картина будущего развития Каспийского региона является настолько туманной и неопределенной, что простое предсказание становится невозможным. Решить эту проблему можно, установив ряд "сигналов", которые указывают и обосновывают либо позитивный путь – в направлении инвестиций, экономического прогресса и процветания, либо негативный путь - в направлении стагнации и экономически разрушительных политических, межгосударственных или внутригосударственных конфликтов. Не обязательно, чтобы каждый сигнал определял, какой выбран путь, но взятые вместе, они указывают на предполагаемое направление.

Позитивными сигналами в области разработки каспийской нефти и газа являются:

- Высокие уровни цен на нефть и газ. Это дало бы размер прибыли, способный компенсировать необходимую премию за дополнительный риск. Помимо своей роли в технических и финансовых расчетах, высокие цены на нефть могут побудить инвесторов забыть или не учитывать высокий политический или транзитный риск – элемент массовой психологии всегда присущ поведению инвестора.
- Переход российской политики от синдрома "великой державы" к коммерческому здравомыслию. Это помогло бы новым государствам Каспия также перейти от политики, основанной на инстинкте самосохранения, к процветанию.
- Значительные открытия сравнительно низкостратных нефтегазовых месторождений. Это снова сделало бы Каспий привлекательным для инвесторов, в особенности если бы это совпало с высокой или сравнительно высокой ценой на нефть.
- Готовность Китая, США и Турции расплачиваться за свои известные "стратегические" интересы путем принятия на себя риска финансирования инфраструктуры трубопровода, возмещения перерасхода средств, риска обеспечения внешней и внутренней безопасности. Это привело бы к сокращению необходимой премии за риск от каспийских проектов.
- Четкий переход заинтересованных государств к "правовому" и цивилизованному поведению. Это включало бы принятие и практическое осуществление правил игры, установленных Договором об энергетической хартии, договорами о защите инвестиций и ГАТТ/ВТО. В этом случае долгосрочные инвестиции и возможности для торговли в Каспийском регионе увеличатся и станут практически реализуемыми.

С другой стороны, "предупреждающие сигналы" включают:

- Политическую нестабильность и отсутствие безопасности в основных добывающих и транзитных странах. Неспособность решить вопрос о политическом престолонаследии и войны между соседями повысят риск и, следовательно, подорвут инвестиционные проекты, кроме случаев, когда имеется высокая прибыль.
- Продолжение игры "великих держав" с вмешательством в дела добывающих и транзитных стран. Это неизбежно приведет к "мертвым трубопроводам", большим потерям и нежеланию инвесторов и банков вкладывать средства в данную отрасль. Если проект магистрального трубопровода определенно не удастся по причинам политической конкуренции и отсутствия безопасности – мы имеем много таких случаев на Ближнем Востоке – тогда маловероятно, что новые инвестиции в проект станут возможными в течение какого-то времени.

Цена на нефть есть постоянный и решающий фактор в этих расчетах. Несмотря на то, что неправильно рассматривать сегодняшние цены в качестве показателя того, что делают или должны делать инвесторы, это все же мощный сигнал, в основном не зависящий от каспийских государств. Такие не связанные между собой события, как колебания спроса на энергию в Азии, открытие Кувейта и Саудовской Аравии для иностранных инвестиций, полномасштабное восстановление иракского нефтяного потенциала, способность ОПЕК и других добывающих стран договориться о квотных ограничениях и соблюдать их, могут способствовать осуществлению или упадку каспийских проектов.

Может ли каспийский регион двигаться в сторону большей управляемости

Ощущение того, что возможно открытие огромных ресурсов, всегда подогревало политическую напряженность по поводу распределения собственности и прибылей от разработки природных богатств. Можно даже утверждать, что отсутствие крупных ресурсов более способствует миру и процветанию, чем их наличие в конфликтной политической обстановке. Но в данном случае нефтяные и газовые ресурсы налицо.

Их точное количество еще не известно, но есть глубокая уверенность в том, что они довольно значительны, и необходима оценка возможного воздействия этого феномена. Первое требование состоит в том, что права собственности на такие ресурсы должны быть недвусмысленны и определены соглашением. Второе требование состоит в том, что развитие и транспортировка/транзит таких ресурсов требует столь же ясных правовых рамок для того, чтобы они осуществлялись бесперебойно.

В настоящее время новые каспийские государства ведут внутреннюю и внешнюю борьбу за самосохранение. Не существует сильных традиций национального или международного права или культуры договорных обязательств. Государства и их политические и культурные элиты начинают учиться тому, как понимать, формулировать и использовать присущие современной государственности правовые процедуры урегулирования внутренних и внешних конфликтов. Если международное сообщество – т.е. в настоящее время процветающие и мирные западные государства – и может что-то сделать, так это поддержать, убедить и оказать давление на эти государства и их общества в целях выработки привычки жить по правилам гражданского общества как во внутреннем, так и в международном плане. Такой переход не может произойти в одну ночь. Он предполагает медленный процесс обучения и привыкания, вдохновляемый примерами других стран, усвоенный в конечном итоге внутри страны и закреплённый успехом. У больших проектов нет будущего, если они построены на песке нестабильности.

Нефтяные и газовые богатства Каспия, какую бы напряженность они поначалу не вызывали, сами способствуют применению инструментов права. Это требует соглашений между государствами о демаркации, распределении и легитимизации прав собственности. Метод совместных нефтяных разработок – с откладыванием окончательной демаркации границ посредством введения системы совместного лицензирования спорных районов и распределения поступлений – особенно пригоден для развития технического и правового сотрудничества.

Контракт на разработку нефти и газа также вынуждает страну понимать логику технологии, финансов и рынка, а также импортировать стандарты нефтяной индустрии, включая стандарты техники безопасности и защиты окружающей среды. Подобным же образом, соглашения по нефти и газу между инвесторами и добывающим государством приучают его к необходимости соблюдать контрактные обязательства. Короче говоря, в то время как нефтегазовые ресурсы могут способствовать региональной напряженности, логика их разработки также оказывает мощное воздействие на усвоение достоинств права и договоров. Аналогичным образом, императивы разработки нефти и газа могут оказывать цивилизующее влияние на отношения между соседними странами. Влияние спорных границ и неурегулированного транзита, закрытых рынков и транспортных путей, военных угроз и разжигаемой извне подрывной деятельности внутри страны обычно создает проигрышную ситуацию. Разрешение таких споров означает, что нефтегазовая индустрия может внести свой вклад в дело мира. Таким образом, управляемость в международном плане и развитие нефтяной индустрии обычно идут рука о руку.